

НАТУРАЛИЗМ, ИСТОРИЦИЗМ И ИДЕАЛЬНЫЕ МОДЕЛИ НАУЧНОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ В ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ¹

СЕРГЕЙ КУЛИКОВ

Доктор философских наук, доцент, декан.
Томский государственный педагогический университет,
факультет общеуниверситетских дисциплин.
634061 Томск, Россия.
E-mail: kulikovsb@tspu.edu.ru

Предметом исследования являются особенности натурализма и историцизма в составе целостной системы научного мировоззрения. Автор выделяет и описывает типы натурализма, достигая цели прояснения обстоятельств, при которых отдельные его варианты становятся взаимно дополняющими способами научного понимания действительности. Полученную картину обогащают черты историцистского мировоззрения, вносящего элемент относительности в научные представления об окружающем мире. Особое внимание обращено на возможности реконструировать эйдос науки в качестве обобщенного идеала научно-исследовательской деятельности. Методология исследования включает в свой состав реализацию феноменологической программы исследований, основы которой заложены в работах Гуссерля. Эта программа позволяет осмыслить идею науки в рамках идеала познавательной деятельности, корни которого восходят к трудам Аристотеля. Феноменологическая перспектива исследования позволяет увидеть сущностные характеристики натурализма и историцизма, выявить варианты их конструктивного взаимодействия. В результате обнаруживаются возможности сделать нетривиальный вывод о соотношении натурализма и историцизма, ибо полемика натурализма и историцизма, взятая сама по себе, то есть как относительно самостоятельное явление, открывает горизонты внутренне единого сознания, реализуемого в науке двумя способами. Первый из них — это совокупность исследовательских интенций на обоснованность, второй — совпадает с неявной зависимостью научного мировоззрения от ориентаций на исторические изменения основ самоосмысления науки, которые, собственно, и формируют смысловую структуру научного познания как уникальный образ-идеал научно-исследовательской деятельности.

Ключевые слова: Натурализм, историцизм, рефлексия, феноменология, Гуссерль, Аристотель, научное мировоззрение.

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 15-18-10002).

© SERGEY KULIKOV, 2017

NATURALISM, HISTORICISM AND IDEAL MODELS OF SCIENTIFIC WORLD IN PHENOMENOLOGICAL PERSPECTIVE²

SERGEY KULIKOV

DSc in Philosophy, Associate Professor, Dean.
Tomsk State Pedagogical University, Faculty of University-wide Disciplines.
634061 Tomsk, Russia.
E-mail: kulikovsb@tspu.edu.ru

The subject of our research is the features of naturalism and of historicism in the whole system of the scientific worldview. The author identifies and describes the types of naturalism, achieving the purpose of clarification of circumstances in which its separate options become complementary ways of scientific understanding of reality. The resulting picture is enriched with the features of historicism, introducing the element of relativity to the scientific views of the world. Special attention is paid to the possibility to reconstruct the *eidos* of science as a generalized ideal of research activities. The research methodology includes the implementation of the phenomenological research program, the foundations of which were laid in the works of Husserl. This program allows us to understand the idea of science in the framework of the ideal of cognitive activity, the roots of which date back to the writings of Aristotle. The phenomenological perspective of our research allows us to see the essential characteristics of both naturalism and historicism, to identify options for their constructive engagement. The result reveals a possibility to make a nontrivial conclusion about the relation between naturalism and historicism, for the debate of naturalism and of historicism, taken by itself, i.e. as relatively independent phenomenon, opens horizons of the internally unified consciousness understood in science in two ways. The first one is a set of research intentions of the validity; the second one coincides with the implicit dependence of the scientific worldview from the orientation to the historical changes of the foundations of self-reflection of science that, in fact, form the semantic structure of scientific knowledge as a unique ideal for research activities.

Key words: Naturalism, historicism, reflection, phenomenology, Husserl, Aristotle, scientific worldview.

ВВЕДЕНИЕ

Экспликация возможностей истолковать натурализм и историцизм в качестве идеальных моделей научного мировоззрения позволяет выполнить в отношении научного мировоззрения процедуру идеализации, при которой заключаются в скобки исторически случайные представления о науке и мыслится *эйдос науки* как таковой. При таком подходе актуализируется вероятность понять логику развития научного мировоззрения, а само миро-

² Research is supported by Russian Science Foundation (Grant № 15-18-10002).

воззрение представить в качестве единого феномена, который имеет внешние проявления, кажущиеся принципиально различными. В особенности это важно для решения задачи по согласованию идеалов и норм естествознания и социально-гуманитарных дисциплин, которые в настоящее время развиваются относительно независимо друг от друга, а должны решать общие для науки задачи и потому активно взаимодействовать. Необходимо понять, насколько фундаментальные знания о природе могут быть согласованы с гуманитарными представлениями о человеке и его месте в мироздании. Данный момент принципиально важен, например, для развития *биоэтики*, а шире — для совершенствования процедур в *гуманитарной экспертизе*.

Вместе с тем речь в статье идет не о подчинении одной ветви науки другим ветвям, например, социогуманитарных исследований — естественнонаучным. Автор не преследует и обратного — показать зависимость естествознания от социально-гуманитарных дисциплин. Феноменологический подход позволяет усмотреть внутреннюю логику каждого исследования, которая может послужить основанием для обнаружения сходных формальных (символических) моментов в функционировании отдельных отраслей науки. Научные дисциплины остаются различными по объекту и предмету, по методам, целям и результатам. В то же время они становятся проявлением общих структур сознания, связывающих их в процессе выстраивания (конституирования) познавательных отношений человека к самому себе и к окружающему миру.

В исследовании предложена совокупность аргументов, позволяющих представить натуралистические и историцистские версии отношения к окружающей действительности в виде обобщенных картин мира, которые в силу своей специфики имеют неформализованный характер. В итоге автор предлагает вариант феноменологического описания познавательных актов, которые выполняются в рамках деятельности, ориентированной на получение достоверных знаний. Натурализм и историцизм анализируются в качестве актов сознания, результат реализации которых состоит в построении образов науки, различаемых в сфере влияния философской рефлексии.

Определяющую роль в исследовании играют идеи Э. Гуссерля, который замечал, что «натурализм есть явление, возникшее как следствие открытия природы — природы в смысле единства пространственно-временного бытия по точным законам природы» (Gusserl', 2000, 675). Натурализм представляется как особая форма сознания, базовой интенцией которого выступает точ-

ность и обоснованность, гарантирующие достоверность знания. Господство естественных принципов объяснения составляет базис данной формы сознания. В отличие от этого историцизм предпочитает формы описания действительности, в рамках которых истинность знаний соотнесена с комплексами мировоззренческих установок, свойственными тем или иным этапам развития социокультурных систем. Наиболее ярким представителем этого движения является В. Дильтей (Dilthey, 2000, 280–297). Феноменологическая интерпретация историцизма позволяет уточнить *горизонты релятивистского сознания в науке* (Gusserl', 2000, 719–720).

Цель и задачи исследования обусловлены тем, что, как полагал Э. Гуссерль, «все науки о мире, т. е. науки с естественной установкой, — это естественные науки, науки о материальной природе, но также и науки о живых существах с их психофизической природой, т. е. в том числе и физиология, психология и т.д. Равным образом относятся сюда же и все так называемые науки о духе» (Gusserl', 2009, 30). Следуя воззрениям Э. Гуссерля, мы можем смело надеяться на достижение *цели* прояснения натурализма и историцизма, в которых выражают себя разные версии естественной установки сознания. Это позволит в итоге решить *задачу* по экспликации интенциональных структур, которые связаны с конкретными процессами порождения представлений о достоверности знаний и о вариантах укоренения такого знания как в актах научного, так и в актах вненаучного сознания. *Феноменологическая перспектива исследования*, в рамках которой феноменологический подход отождествляется с метанаучной областью знаний, позволяет увидеть сущностные характеристики натурализма и историцизма, а также выявить варианты их конструктивного взаимодействия.

Основное содержание статьи включает два раздела, в первом из которых обсуждается вопрос об общем смысле натуралистического мировоззрения в науке, а во втором предлагается истолкование историцизма, представленного не только в качестве альтернативы натурализму, но и в качестве его дополнения в составе научного мировоззрения. При этом вопрос о субъекте и объекте мировоззрения не обсуждается в силу специфики реализуемой программы философско-феноменологических исследований, в рамках которой «мир», «воззрение на мир» и другие аналогичные моменты равно обусловлены (конституированы) смыслополагающими актами человеческого сознания.

*НАТУРАЛИСТИЧЕСКОЕ МИРОВОЗЗРЕНИЕ
КАК ГОРИЗОНТ ПОНИМАНИЯ
ЕСТЕСТВОИСПЫТАТЕЛЬСКОГО ЗНАНИЯ
И УМОЗРИТЕЛЬНЫХ ДОПУЩЕНИЙ*

Наука как система знаний, полученных экспериментальным путем и положенных в основу теоретических представлений о природе и человеке, тесно связана с натуралистическим пониманием действительности. Такое понимание выступает фундаментом для выработки общих способов объяснения природных феноменов, их интерпретации, предсказаний возникновения и даже контроля над ними. К примеру, сейсмологи не имеют предельно точных методов предсказания землетрясений. Но уже само изучение явлений как природных образований, зависящих от природных (вещественных, материальных) причин возникновения и развития (в данном случае это специфика устройства земной коры, подвижность литосферных плит и др.), позволяет вырабатывать рекомендации по минимизации последствий от землетрясений (Yanovskaya, 2008, 14–18).

Вместе с тем натуралистическое понимание действительности подвигает овеществлять любые виды природных явлений, в том числе человеческое сознание, что выглядит как минимум не бесспорным. В целом вызывает вопросы всякое отождествление нематериального явления и его компонентов с материальным объектом. В особенности требует дополнительной аргументации возможность фиксации лабораторными средствами — например, при магнитно-резонансной томографии (Lauterbur, 1973) — однозначной связи между активностью сознания и активностью головного мозга, результатом деятельности которого является работа мышления, воображения, памяти и других структур. Нетрудно показать, что аппаратные средства предзадают образ, распознаваемый в качестве работы «мышления», актов «воображения», хранения информации в «памяти». Для этого достаточно иметь в виду, что акты сознания, фиксируемые в ходе опроса на предмет ассоциативных связей между претерпеваемыми переживаниями и их выражением в словесной форме, отличаются от аппаратного образа, связывающего между собой деятельность сознания и функции мозга. Поэтому сами «мышление», «воображение», «память» в рамках отношения «Сознание-Язык» вполне могут выглядеть иначе, нежели это происходит при распознавании структур сознания,

посредством процедур их клинического описания (то есть в границах своего рода медицинской герменевтики) по типу «Сознание-Мозг».

Труды Э. Гуссерля сыграли основополагающую роль в осмыслении натурализма в направлении критики овеществления форм сознания. Э. Гуссерль одним из первых заключил, что натурализм есть не просто набор предрассудков, которые следуют из случайных заблуждений, а составляет один из базовых аспектов естественной установки сознания. При этом натурализм оказался столь значителен, что его критика, согласно Д. Морану, составила едва ли не сквозную тему работ на протяжении всей научной карьеры Э. Гуссерля (Moran, 2008). Настоящая статья развивает идеи основоположника современной феноменологии, проясняя натурализм как идеальную модель научного мировоззрения в двух ключевых моментах:

1. Оправданность истолкования натурализма как версии логицизма, ибо именно формальная логика, понимаемая в качестве базиса математики и даже науки в целом, — это «примерный перечень всего идеального» (Gusserl', 2000, 676).

2. Необходимость интерпретации натурализма, подразумевающая его ассоциацию не только с элементами конкретной позиции по вопросам основания научных знаний, но и с фундаментом особого отношения к миру в принципе.

Важно отметить, что сходный вариант постановки вопроса, но в отношении к научному знанию как таковому, а не только в связи с натурализмом, обнаруживается в работах А. Б. Паткуля (Patkul', 2016). В контексте же данной статьи феноменология привлекается как главный метод исследования, как его форма, а не непосредственное содержание. Опыт такого применения феноменологии имел место в других работах автора, ориентированных на поиск пересечений феноменологического подхода и аналитической традиции (Kulikov, 2016). Именно этим обстоятельством обуславливается активная апелляция автора настоящей статьи как к феноменологическим, так и к нефеноменологическим источникам, рассмотренным, тем не менее, с сугубо феноменологической позиции. Аргументация положений автора в данном разделе строится по форме «из допущения “А” вытекает следствие “b”, но имеется “не-b”, следовательно, получаем “не-А” (по *modus tollens*)».

Прежде всего, предположим, что логицизм, если истолковать его в узком смысле, есть направление исследования, целью которого выступает сведение оснований математики к аксиомам формальной логики. В этом случае

говорить о его мировоззренческом смысле несколько проблематично. Однако в рамках сделанных допущений обнаруживаются некоторые неожиданные результаты, позволяющие заключить, что *смысл базовых понятий математики и логики зависит от философско-методологической области знаний*. Зависимость возникает при обнаружении логико-философских допущений в математике, а также при фиксации общности логико-математического и философского типов рефлексии. В подтверждение данного тезиса могут быть предложены следующие аргументы:

Может быть приведен *историко-научный аргумент* в пользу тезиса о *зависимости математики от логико-философских допущений в области оснований арифметики*. Так, в XIX веке Дж. Пеано предпринял попытку аксиоматизации арифметики, сформулировав пять аксиом, согласно которым необходимо понимать 0 как натуральное число; натуральные числа как последовательность, составленную из натуральных чисел; 0 в качестве начала последовательности, не следующего ни за каким натуральным числом; каждое число-член последовательности натуральных чисел также в качестве натурального числа; возможность полной индукции как доказательства для всей последовательности чисел, если нечто доказано для одного натурального числа и последовательность предполагает верность того же для следующего числа (Arnol'd, 1938, 48). В XX веке проблемами аксиоматизации математического знания, в частности теории множеств, занимались Э. Цермело и А. Френкель, Дж. фон Нейман, У. Куайн и другие исследователи (Wang Hao & Mac-Noton, 1963, 11–27). Наиболее существенные результаты получил К. Гедель, обосновав положение о том, что в аксиоматических системах, допускающих правило «непосредственного вывода» (“immediate consequence of”) и его рекурсивные определения, становится неразрешимым (в смысле неопределимости истинностного значения) понятие «натуральное число» как «пропозициональная формула» вида $(x) F(x)$. В этом случае в рамках сугубо математических процедур, то есть при отрицании зависимости оснований математики от философских допущений, оказываются неразрешимы также и понятия «ноль» и «единица» в качестве натуральных чисел, равно как понятия «сложение» и «умножение» в качестве операций над этими числами (Gödel, 1992, 59–57, 62–69).

Важно отметить *необходимость процедуры саморефлексии логико-математических дисциплин, совпадающей с философскими рассуждениями*, как аргумент в пользу укорененности логики и математики в философии. С этой

позиции раскрывается возможность понять собственный смысл этих дисциплин как результат работы одновременно научного (логико-математического) и философского самосознания. А. Тарский, опираясь на результаты, полученные К. Геделем и его предшественниками, раскрыл возможности применения дедуктивного метода к элементам арифметики действительных чисел. Применение этого метода становится необходимым в ходе переосмысления отношений логики и математики. А. Тарский выявил, что понятия «переменная», «следствие» и другие принадлежат не логике или математике, то есть некоторым частным дисциплинам, а методологии дедуктивных наук как общему учению о методах логического следования и математических вычислений (Tarskii, 1948, 190–191).

Итак, с феноменологической точки зрения, анализ оснований математики и логики приводит к выявлению зависимости смысла их базовых понятий от философско-методологической области знаний. Поэтому логицизм как направление исследований не может быть истолкован только в узком смысле. Требуется привлечение философских позиций, расширяющих смысл самого логицизма, а вместе с ним и натурализма, хотя логицизм как таковой сохраняет статус смыслового ядра натуралистских установок.

Логицизм обычно представляют лишь как отдельный случай, версию позитивистского течения в философии науки. В этом отношении логицизм тесно связан с прояснением оснований математики (Surovtsev, 2012, 3–8). Одной из задач автора данной статьи является обоснование тезиса, согласно которому *логицизм есть смысловое ядро натуралистического позитивизма*. Выдвинутый тезис может быть подкреплён следующими аргументами:

В целом оправдана аргументация посредством указания на основания, гарантирующие положительный прирост знаний, что с феноменологической точки зрения является основой позитивизма в качестве особого модуса познающего сознания. Сама идея «положительности» знаний исторически вариативна. Это не мешает понять позитивизм как вариацию логицизма и натурализма, хотя внешняя форма, а именно совокупность исторических обстоятельств, влекущих трансформации идеального образа «положительных знаний», это несколько и затрудняет.

В ходе своего развития позитивизм, а точнее, его идеальный образ или *эйдос* прошел несколько этапов. Первый из них связан с вопросами о статусе научного знания, его социальной значимости (О. Конт, Г. Спенсер и др.). В рамках второго этапа получение положительных знаний связывали со сведением

многообразия явлений мира к данным наблюдения и процедуре эксперимента (Р. Авенариус, Э. Мах и др.). Третий этап привел к проблематизации соотношения реального содержания действий по упорядочиванию опытных данных с вариантами их формальной записи (М. Шлик, Р. Карнап и др.). Второй и третий этапы имеют в достаточной мере существенное различие в исследовательских принципах. Э. Мах замечает: «Наука возникает всегда в процессе приспособления наших мыслей к определенной области опыта. Результатом этого процесса являются элементы мысли, в которых и может быть обобщена и выражена вся область фактов» (Mach, 2005, 70). Следовательно, непосредственный опыт может быть представлен в качестве источника достоверных результатов познания. Именно поэтому апостериорное знание мыслится как фундамент науки. Однако в рамках позитивизма первой половины XX века, получившего наименование неопозитивизма, переосмысляются основания логики и математики, и потому происходит переосмысление характера отношений между апостериорным и априорным знанием (Carnap, 1959, 298–320). Так, В. Крафт замечает:

...математика не опирается на опыт и имеет самостоятельное значение. Логику столь же мало можно вывести из опыта, ибо она уже предполагается при всяком методически организованном опыте. [...] Предложения логики и математики нельзя рассматривать как выражение знаний о реальности, они дают лишь способ преобразования символики, которой в реальности всегда соответствует одно и то же положение дел, по крайней мере, должно соответствовать. Их априорная значимость опирается на установки, относящиеся только к сфере символизма, поэтому они выражают закономерности не чувственно воспринимаемого, а только символического представления. (Kraft, 2003, 58)

Нетрудно увидеть, что неопозитивисты понимали «положительность» знания весьма широко, признавая положительное значение априорного знания как минимум в рамках логики и математики.

Феномен положительности знаний, наиболее отчетливо раскрывающийся в рамках отношения к логико-математическим построениям, с феноменологических позиций позволяет показать меру возможного видоизменения натурализма в науке. Аргументы здесь предлагаются следующие:

Во-первых, *мера возможного видоизменения натурализма в науке раскрывается исходя из необходимости наличия познавательного канона*, который ранние позитивисты искали в рамках естественных принципов объяснения (объективность, верифицируемость и другие), равно как они полагали, что цель науки — накопление фактического материала, собранного в резуль-

тате применения этих принципов. Идеальной версией подобной деятельности виделась логика как наука, открывающая необходимую связь между отдельными актами научной мысли. Близко к этому высказывались А. Эйнштейн и Л. Инфельд:

Огромные достижения механики во всех ее ветвях, ее поразительный успех в развитии астрономии, приложение ее идей к проблемам, по-видимому, отличным от механических по своему характеру, — все это способствовало развитию уверенности в том, что с помощью простых сил, действующих между неизменными объектами, можно описать все явления природы. На протяжении двух столетий, последовавших за временем Галилея, такая попытка, сознательная или бессознательная, проявляется почти во всех научных трудах. (Einstein & Infel'd, 1965, 49)

Соответственно, научным является как будто бы лишь то, что организовано в виде системы знания, включающей в свои основания конечное число принципов.

Однако, во-вторых, *мера возможного видоизменения натурализма в науке соответствует демонстрации отсутствия единообразного канона в горизонте собственного развития натурализма*. В данном случае сутью аргументации выступает раскрытие двух возможностей. С одной стороны, это наличие оснований утверждать, что задача науки есть сбор фактов, и тогда из числа научных дисциплин «выпадает» математика, в которой факты собираются принципиально иначе, нежели в прочих дисциплинах. С другой стороны, становится необходимым неявно предполагать, что есть как минимум два вида положительных знаний: реальные и квазиреальные. Реальность охватывает все события в мире, позволяя их обобщить, но не затрагивает их математическую (формальную) организацию и потому не даёт возможности полноценного объяснения охватываемых событий. В свою очередь квазиреальность совпадает с миром математических абстракций, которые, конечно, есть фикция, но фикция полезная, и потому положительная.

Трансформации поиска познавательного канона в современных условиях приводят к тому, что результаты социально-гуманитарных исследований, в которых положительных фикций чуть больше чем требуется для тривиальных умозаключений по типу « $2+2=4$ », начинают активно влиять на социальный контекст развития естествознания. В частности, С. Вайнберг замечает:

Похоже, что все эти радикальные критики науки мало влияют, если вообще влияют, на самих ученых. Мне неизвестен ни один работающий ученый, который воспринимает этих философов всерьез. Та опасность, которую они несут

науке, связана с их возможным влиянием на тех, кто сам не участвует в научной деятельности, но от кого мы все зависим, особенно на тех, кто финансирует науку, а также на новое поколение ученых. (Vainberg, 2004, 148)

Из приведённого ясно, почему представители естествознания, а также некоторые историки науки (Hoffman, 1998, 260–266), склонны оценивать как неизбежное зло результаты взаимодействия естествознания и социально-гуманитарной мысли, при котором естествознание, как полагают сами представители естествознания, оказывается под мощным давлением со стороны социально-гуманитарных ветвей науки.

Итак, с феноменологических позиций, как узкое истолкование натурализма, то есть сведение его к виду частной позиции по вопросу оснований знания, так и расширительное его толкование, ведущее к приданию натурализму образа особого мировоззрения, порождают, в общем-то, сходные результаты. В первом отношении натурализм оказывается ветвью философско-методологических исследований и совпадает с разработками в области логико-математических понятий по преимуществу. Другими словами, натурализм оказывается мировоззренческой практикой. Во втором же отношении натурализм раскрывается как мировоззренческая платформа, соответствующая позитивистским представлениям и становится теоретической базой для указанной практики. Тем самым круг замыкается. Но именно в связи с этим, то есть в результате указания на порочность возникающего круга, открывается возможность для корректного сопоставления натурализма с историцистскими установками. Вместе с тем выявляются перспективы по обнаружению способов координации интенций натурализма и историцизма, а в итоге становится возможной реконструкция общего горизонта, в рамках которого научное сознание выстраивает свое отношение к миру в целом.

ИСТОРИЦИСТСКОЕ МИРОВОЗЗРЕНИЕ КАК ГОРИЗОНТ ПОНИМАНИЯ УМОЗРИТЕЛЬНЫХ ДОПУЩЕНИЙ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ

Результаты исследования, представленные в рамках данного раздела, получены на базе развития идей, высказанных относительно историцизма Э. Гуссерлем в работе «Философия как строгая наука» (Gusserl', 2000, 667–743). Вместе с тем «Философия как строгая наука» создавалась в начале XX века и не могла учесть существенных трансформаций, которые претерпел

идеальный образ историцизма в последующем (Wagner, 1972; Goncharenko, 2015). Новизной позиции автора в данном исследовании является сочетание двух горизонтов понимания. С одной стороны, это возвращение к идеям, высказанным в истории феноменологической мысли, которое, с другой стороны, дополняется обращением к смысловым вариациям историцизма, характеризующим его развитие в настоящее время. Такой подход позволяет опереться на идею Э. Гуссерля, согласно которой «историцизм рождает к жизни релятивизм, весьма родственный натуралистическому психологизму и запутывающийся в аналогичные же скептические трудности» (Gusserl', 2000, 717). Однако тот же подход открывает возможности оспорить другую идею Э. Гуссерля, а именно, что «миросозерцательная философия должна сама отказаться вполне честно от притязаний быть наукой» (Gusserl', 2000, 739). В число задач исследования входит демонстрация того, что «миросозерцательность» как основа историцизма вполне сочетается с научностью как основой натуралистических идеализаций процесса поиска достоверных представлений о человеке и окружающем мире. Аргументация выдвинутых положений предлагается следующая:

Во-первых, *научность историцизма аргументируется исходя из представления историцизма в качестве совокупности общемировоззренческих установок, акцентируя при этом главный момент историцизма — саму идею историчности любых позиций и установок*, а не просто понимания историцизма как отдельно взятого направления исследований или же вида идеологии. Предупреждением о тщетности таких попыток является уже продемонстрированный опыт зауженного истолкования натурализма. В этом отношении, хотя и не ставя целью проведение феноменологического исследования, историцизм прекрасно описывал К. Поппер, возводя его предысторию к трудам Платона, а развитые формы — к работам Гегеля и Маркса (Popper, 1992).

Во-вторых, *оправдан аргумент, основанный на отказе от рассмотрения эмпирических условий зарождения историцизма и утверждающий возможность строго феноменологического раскрытия сути (смысла) историцистских установок*. Согласно классическому определению Аристотеля, философия, которую в античности от науки не отделяли, есть знание, обладающее поистине чудесными свойствами. Каждый философ, то есть деятель науки в широком смысле этого слова, если он вполне овладел знанием, различает все в точной и обоснованной форме и ищет предельные начала ради них самих, а не ради преходящей пользы. Но ещё важнее то, что ученый выступает настав-

ником для тех, кто не обладает уровнем понимания, характеризуемым указанными качествами (Aristotel', 1976, 68). Ретроспектива развития научно-философских изысканий показывает, что предложенный Аристотелем идеал с трудом находит воплощение в действительности. Но именно поэтому обнаружение конкретной эпохи, в рамках которой данный идеал оказался наиболее полно воплощен, позволяет обнаружить и исторически меняющееся, но парадоксальным образом «вечное» (непреходящее) основание дифференциации подлинно научных и вненаучных (точнее нестрогих научных) представлений о мире и человеке.

В-третьих, следует прибегнуть к сугубо *историографическому аргументу*, позволяющему увидеть историцизм в качестве принципа социогуманитарной философии науки. С этой точки зрения трудно не заметить расхождения во мнениях относительно места зарождения философии и научно-гуманитарной мысли вообще. Возможно, что правы те, кто полагает философию впервые воплощенной в Древней Греции (Gegel', 1974, 378; Cassirer, 1998, 9; Tarnas, 1995, 8). Но сильна позиция и тех, кто утверждает, что место зарождения как минимум предфилософии — это Древний Восток, в особенности Древняя Индия (Shopenhauer, 1998, 28; Shokhin, 1994, 19). Однако, видимо, чуть ближе к истине специалисты, занимающие промежуточную позицию. С этой точки зрения единственного места зарождения у научно-гуманитарной мысли нет, она спонтанно и практически одновременно появляется в конце VII — начале V вв. до н.э. в целом ряде удаленных и довольно различных частей мира (Yaspers, 1994, 32–33). Есть, конечно, смысл и в утверждениях о локализации гуманитарной мысли в рамках отдельных культур, которые независимо друг от друга рождаются, расцветают и умирают, слабо соотносясь между собой (Nietzsche, 1998, 18–19, 86–88, 132–134; Shpengler, 1998, 520; Delez, 1998, 80–81; Delez, 1995, 158–164). Но с этой позиции гуманитарная по своим базовым идеалам наука, представленная в форме философии, — это неотъемлемая черта человеческой природы как таковой и отделить её от других черт человека довольно-таки проблематично.

В то же время, если точки зрения относительно места воплощения идеала научно-философского знания, понимаемого как отображение *идеала научно-гуманитарной мысли* в целом, расходятся, то относительно времени его зарождения такие точки зрения во многом пересекаются. Время зарождения философии — это Греция эпохи Перикла; брахманистская Индия; легистский, конфуцианский и даосистский Китай (Г. Гегель, Э. Кассирер, К. Ясперс,

Р. Тарнас, В. К. Шохин и др.). Выделение темпоральной общности процессов появления научно-гуманитарной мысли вне зависимости от их пространственной локализации позволяет выделить и единство в представлениях о воплощении идеала научного знания в целом. Эпохи, которые можно обозначить как своего рода «классицизм» (образцовую эпоху), а также аналоги этого «классицизма» в отдельных периодах истории олицетворяют именно такое единство. В качестве аргументов предлагаются следующие аналогии:

Во-первых, можно провести *аналогию между периодами воспроизводства подобного «классицизма» и базовыми этапами «морфологической» истории культур-организмов*: например, представить эпоху Декарта — Канта в качестве версии эпохи Анаксимандра — Платона (О. Шпенглер). Также можно провести аналогию между «философией молота» Ф. Ницше в качестве предтечи постмодернистского искусства и досократической эпохой, тесно связанной с более поздними традициями стоицизма. Причем указанные моменты надлежит проинтерпретировать ещё и в качестве периодов фундаментальной (и потому повторяемой, то есть образцовой, классической) переоценки ценностей как части «вечного возвращения» (Ф. Ницше, Ж. Делез).

Во-вторых, правомерна *аналогия, которую предложил Р. В. Светлов, проводя параллели между периодически воспроизводящимися в античности и в современности эпохами увлечения семиотикой*. Это хорошо видно в рамках движения от христианского теоцентризма к постмодернистскому апокалиптизму, но прослеживается и в позднеантичном господстве «гнозиса и экзегетики», обусловленном переходом от античного космоцентризма к христианскому теоцентризму. В данном случае «классицизм» отражает общность «гнозисного сознания», а также демонстрирует установку исследовательского сознания на поиск тайн и откровений в текстах прошлого. Но главное, здесь реализуется тотальная критика представлений, традиционных для каждой конкретной эпохи (Svetlov, 1998, 3–4, 43–61). Достаточно вспомнить *метод деструкции* в подходе к истории метафизики, которым призывал руководствоваться М. Хайдеггер в «Бытии и времени» (Heidegger, 1976, 29).

В результате выполненной экспликации оснований историцистских представлений, которые подразумевают необходимый характер реализации научно-исследовательской деятельности в гуманитарном ее аспекте, актуализируется возможность уточнения координат возникновения философии, что позволяет выделить место и время воплощения искомого идеала гуманитарного знания, а через него и идеала научного знания как такового. Такие

время и место нельзя отождествлять с эмпирическим фактом, но и делать упор на идеальном, «метафизическом» прочтении пространства-времени тоже не следует. В традиционном делении сущего на бытие и сознание, материальное и духовное и т.д. воплощение упомянутого идеала — это, конечно, момент становления «чистого» сознания, которое периодически проходит периоды «классицизации». Деление восходит к вопросу о первичности сознания по отношению к бытию и бытия по отношению к сознанию, и оно было предложено Ф. Энгельсом для периодизации истории философии (Engels, 1988, 16–21, 34–343). Но для нашего исследования более существенным является не такое деление, а феноменологическое понимание взаимной обусловленности реальных моментов исторического сознания горизонтами их реализации в рамках рефлексивно обращенного сознания: мифологического, религиозного, научного. В этой связи воплощение идеалов научного знания есть настолько же момент развития «чистого» сознания, насколько и фрагмент дифференциации бытия в его «чистом» виде. Автор полагает, что дальнейшие исследования покажут, каким именно образом осуществленное различие сможет помочь в ходе уточнения смысла всего многообразия существенных черт научного мировоззрения, причем как выделенных здесь, так и оставшихся за пределами внимания автора. Чрезвычайно важным будет в дальнейшем рассмотреть, например, особенности *этноса науки*, складывающегося на пересечении феноменологического и аналитического подходов как критики наивных (обыденных) воззрений на природу научных идеалов. В настоящей работе автор ограничивается раскрытием общего взаимодействия натурализма и историцизма в виде замкнутых регионов «положительности» и «относительности» знаний, получаемых в ходе научно-исследовательской деятельности.

Ценность достигнутого результата заключена в том, что при его применении не требуется противопоставлять субъект и объект научного поиска, ибо взаимодействие натурализма и историцизма как двух соответствующих регионов сознания оказывается уже и само по себе трансцендентальным условием возможности науки как таковой.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итогом исследования выступает возможность сделать нетривиальный вывод о соотношении натурализма и историцизма, в рамках которого полемика натурализма и историцизма, взятая сама по себе, то есть как относи-

тельно самостоятельное явление, открывает горизонты внутренне единого сознания, реализуемого в науке двумя способами. Первый из них — это совокупность исследовательских интенций на обоснованность, а второй совпадает с неявной (неочевидной) зависимостью научного мировоззрения от ориентаций на исторические изменения основ самосмысления науки, которые, собственно, и формируют смысловую структуру научного познания как уникальный образ-идеал научно-исследовательской деятельности.

Полученный вывод конкретным образом означает, что интенция ученого на достоверность не предполагает, и не должна предполагать абсолютной жёсткости, догматизма. В частности, современная физика не дает однозначного ответа на вопрос, каким образом то количество материи, которое наблюдается во Вселенной, обеспечивает фиксируемые гравитационные эффекты. В теоретических моделях учитывается «темная материя», которая не испускает излучений в электромагнитном спектре и потому не может «наблюдаться» в традиционном значении этого слова (McGaugh et al., 2007). Феноменологический подход к данной проблеме подразумевает указание на то, что термин «темная материя» принадлежит к натуралистическому способу объяснения природных процессов, который сам по себе ограничен, и потому его следует воспринимать скорее метафорически, нежели реалистически. Историческое истолкование современной ситуации науке в виде частного проявления общенаучных форм мировоззрения позволяет сблизить феномен «темной материи» с аналогичными метафорами в истории науки, но одновременно и дистанцироваться от них. «Темная материя» семантически близка метафорам флогистона и эфира. Вместе с тем научное мировоззрение демонстрирует исторически меняющиеся варианты своей реализации. В современных условиях следует, например, указать на ориентацию науки на технологическое приложение знаний, а не на одни только фундаментальные разработки. В этом отношении «темная материя», взятая сама по себе, оказывается на периферии внимания. На передний план выступают возможности применения математического аппарата, позволяющего описать данное явление в теоретическом отношении, но применимого и к описанию других объектов, например, к построениям прогнозных оценок котировок акций на фондовых биржах. Аргументом в пользу данного заключения выступает аналогия между применением, с одной стороны, динамического метода измерения массы темной материи (Xiang-Ping et al., 1998), а с другой — вариантами построения динамических моделей управления инвестиционным портфелем (Dombrovskii & Ob'edko, 2010).

Вместе с тем проверка полученных выводов составляет предмет отдельного исследования. Представленные результаты исследования дают непосредственную возможность понять общую логику развития научного мировоззрения в качестве единого феномена, который имеет внешние проявления, кажушиеся принципиально различными.

REFERENCES

- Aristotel' (1976). *Sochineniya v chetyrekh tomakh. Tom 1* [Works in Four Volumes. Vol. 1]. Moscow: Thought. (in Russian).
- Arnol'd, I.V. (1938). *Teoreticheskaya arifmetika* [Theoretical Arithmetic]. Moscow: Uchpedgiz. (in Russian).
- Carnap, R. (1959). *Znachenie i neobkhodimost'. Issledovanie po semantike i modal'noi logike* [Meaning and Necessity. Research on Semantics and Modal Logic]. Moscow: Foreign Literature. (in Russian).
- Cassirer, E. (1998). *Izbrannoe. Opyt o cheloveke* [Selected. Essay on Man]. Moscow: Gardarika. (in Russian).
- Delez, G. (1995). *Logika smysla* [Logic of Sense]. Moscow: Academy. (in Russian).
- Delez, G. (1998). *Razlichie i povtorenie* [Difference and the Repetition]. Saint-Petersburg: Petropolis. (in Russian).
- Diltey, W. (2000). *Vvedenie v nauki o dukhe. Opyt polaganiya osnov dlya izucheniya obshchestva i istorii. Sobranie sochinenii v 6 t. T. 1* [Introduction to the Science of the Spirit: Experience of Positing the Foundation for the Study of Society and History. Collected Works. In 6 V. V. 1]. Moscow: House of Intellectual Book. (in Russian).
- Dombrovskii, V. V., & Ob'edko, T. Yu. (2010) Dinamicheskaya model' upravleniya investitsionnym portfelem na finansovom rynke s pereklyuchayushchimisa rezhimami pri ogranicheniyakh na ob'emy torgovykh operatsii. [Dynamic Investment Portfolio Control Model in the Financial Market with Regime Switching under Asset Allocation Constraints]. *Tomsk State University Journal of Control and Computer Science*, 4 (13), 5–14. (in Russian).
- Einstein, A., & Infel'd, L. (1965). *Evolyuetsiya fiziki. Razvitie idei. Ot pervonachal'nykh ponyatii do teorii otnositel'nosti i kvantov* [The Evolution of Physics: The Growth of Ideas From Early Concepts to Relativity and Quanta]. Moscow: Science. (in Russian).
- Engels, F. (1988). *Anti-Dyuring. Perevorot v nauke, proizvedennyi gospodinom Evgeniem Dyuringom* [Anti-Dühring. The Revolution in Science Made by Mister Eugen Dühring]. Moscow: Politizdat. (in Russian).
- Gegel', G.W.F. (1974). *Entsiklopediya filosofskikh nauk: v 3 t. Tom 1* [Encyclopedia of Philosophical Sciences. In 3 V. Vol. 1]. Moscow: Thought. (in Russian).
- Gödel, K. (1992). *On Formally Undecidable Propositions of Principia Mathematica and Related Systems*. New York: Dover Publications, Inc.
- Goncharenko, M. (2015). Aspect of Social Discourse Retrospection. *Procedia — Social and Behavioral Sciences*, 166, 616–620.
- Heidegger, M. (1976) *Sein und Zeit* (GA 2). Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann.
- Hoffman, D. (1998). Review [Review of the book *The End of Science: Facing the Limits of Knowledge in the Twilight of the Scientific Age*, by J. Horgan]. *Notice of the AMS*, 45, 260–266.
- Gusserl', E. (2000). *Logicheskie issledovaniya. Kartezijskie razmyshleniya. Krizis evropeiskikh nauk i transtsendental'naia fenomenologiya. Krizis evropeiskogo chelovechestva i filosofii. Filosofia*

- kak strogaia nauka* [Logical Investigations. Cartesian Meditations. The Crisis of European Sciences and Transcendental Phenomenology. Philosophy as Rigorous Science]. Minsk: Kharvest Publ., Moscow: AST. (in Russian).
- Gusserl', E. (2009). *Idei k chistoi fenomenologii i fenomenologicheskoi filosofii. Kniga pervaya* [Ideas to a Pure Phenomenology and to a Phenomenological Philosophy. The First Book]. Moscow: Academical project. (in Russian).
- Krafft, V. (2003). *Venskii kruzhok. Vozniknovenie neopozitivizma* [Veinna Circle. Origin of Neopositivism]. Moscow: Idea-Press. (in Russian).
- Kulikov, S.B. (2016). Russian Way to the Knowledge-based Society. *Foresight*, 18 (4), 379–390. doi: 10.1108/FS-02-2016-0005
- Lauterbur, P.C. (1973). Image Formation by Induced Local Interactions: Examples Employing Nuclear Magnetic Resonance. *Nature*, 242, 190–191. doi:10.1038/242190a0
- McGaugh, S.S., de Blok, W.J.G., Schombert, J.M., Kuzio de Naray, R., Kim, J.H. (2007). The Rotation Velocity Attributable to Dark Matter at Intermediate Radii in Disk Galaxies. *The Astrophysical Journal*, 659, 149–161. doi:10.1086/511807
- Makh, E. (2005). *Analiz oshchushchenii i otnoshenie fizicheskogo k psikhicheskomu* [The Analysis of Sensation and the Relation Between Physical and Mental]. Moscow: Territory of Future. (in Russian).
- Moran, D. (2008). Husserl's Transcendental Philosophy and the Critique of Naturalism. *Continental Philosophy Review*, 41, 401–425. doi: 10.1007/s11007-008-9088-3
- Nietzsche, F. (1998). *Sochineniya v dvukh tomakh* [Works in Two Volumes]. Saint-Petersburg: Crystal. (in Russian).
- Patkul', A.B. (2016) Phenomenology and Scientific Knowledge. *Russian Studies in Philosophy*, 54 (1), 76–92.
- Popper, K. (1992). *Otkrytoe obshchestvo i ego vragi* [The Open Society and its Enemies]. Moscow: Phoenix, International Fund "Cultural Initiative". (in Russian).
- Shokhin, V.K. (1994). *Brakhmanistskaya filosofiya. Nachal'nyi i ranneklassicheskii periody* [Brakhmanic Philosophy. Initial and Early Classical Periods]. Moscow: Publishing Firm "East Literature" RAS. (in Russian).
- Shopengauer, A. (1998). *Mir kak volya i predstavlenie. T. 1* [The World as Will and Representation. Vol. 1]. Minsk: Literature. (in Russian).
- Shpengler, O. (1998). *Zakat Evropy* [The Decline of the West]. Rostov-on-Don: Phoenix. (in Russian).
- Surovtsev, V. A. (2012). *F.P. Rramsei i programma logitsizma* [F. P. Ramsey and the Program of Logicism]. Tomsk: Tomsk State University Press. (in Russian).
- Svetlov, R.V. (1998). *Gnoziz i ekzegetika* [Gnoziz and Exegetics]. Saint Petersburg: RSCI Publ. (in Russian).
- Tarnas, R. (1995). *Istoriya zapadnogo myshleniya* [Passion of Western Mind]. Moscow: Kron-Press. (in Russian).
- Tarskii, A. (1948). *Vvedenie v logiku i metodologiyu deduktivnykh nauk* [Introduction to Logic and Methodology of Deductive Sciences]. Moscow: Foreign Literature. (in Russian).
- Vainberg, S. (2004). *Mechty ob okonchatel'noi teorii. Fizika v poiskakh samykh fundamental'nykh zakonov prirody* [Dreams of a Final Theory: The Search for the Fundamental Laws of Nature]. Moscow: URSS Publ. (in Russian).
- Wagner, H. R. (1972). Husserl and Historicism. *Social Research*, 39(4), 696–719.
- Wang Hao, & Mac-Noton, R. (1963). *Aksiomaticheskie sistemy teorii mnozhestv* [Axiomatic Systems of the Theory of Sets]. Moscow: Foreign Literature. (in Russian).

- Xiang-Ping, W., Tzihong, Ch., Li-Zhi, F., Yan-Jie, X. (1998). A Comparison of Different Cluster Mass Estimates: Consistency or Discrepancy? *Monthly Notices of the Royal Astronomical Society*, 301 (3), 861–871. doi.org/10.1111/j.1365-8711.1998.02055.x
- Yanovskaya, T.B. (2008). *Osnovy seismologii* [Seismic Principles]. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University Press. (in Russian).
- Yaspers, K. (1994). *Smysl i naznachenie istorii* [Sense and Purpose of History]. Moscow: Respublika Publ. (in Russian).